

Глава I. 14 Апреля 1931 ГОДА

Среди первых изгнанников, вернувшихся в Барселону, была и брюссельская группа: Дуррути, Аскасо, Либерто Кальехас, Хоакин Кортес и др. Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Торрес Эскартин и остальные «Солидарные», бывшие в заключении или в ссылке, возвращались, наступая друг другу на пятки.

Сразу же, 15 апреля, всё ещё отдававшего эхом народного праздника 14 числа, Аскасо и Дуррути побеседовали с Рикардо Сансом, который лично пережил последние моменты низвержения монархического режима и те мгновения, когда была провозглашена Вторая Республика.

Скорее всего, Рикардо Санс под наплывом огромного энтузиазма рассказал новоприбывшим о подвиге членов НКТ, когда они, изгнав леррусиста²⁷² Эмилиано Иглесиаса из Гражданского правительства, усадили на его кресло Луиса Компаниса. Этот «геройский поступок» не восхитил Дуррути и Аскасо. Наверняка они выразили сожаление по поводу противоречий между деятельностью активистов и позицией руководителей НКТ — ведь в газете *Solidaridad Obrera* от 1 апреля ясно можно было прочесть обозначение оперативной линии НКТ:

“ «С политической проблемой покончено, а тем более — с революционной. Выборы, выборы и ещё раз выборы; именно таковой должна быть ориентация для разрешения всех проблем, держащих в напряжении жизнь страны.

Нас нимало не удивила развязка этой театральной сценки в сфере политики. У нас не было ни тени сомнений в том, что революционный дух этих деятелей несколько поутихнет, как только им позволят поиграть в назначение членов муниципальных советов и депутатов (...). Из этого краха якобы революционных ценностей наших левых политиков НКТ должна извлечь надлежащие уроки для настоящего момента и не столь далёкого будущего».

Извлечь уроки из событий 14 апреля как политического процесса, в котором явно проявилась контрреволюция, никоим образом не могло означать, что Компаниса можно было считать бóльшим революционером, чем Иглесиаса. Напротив, оба при тех обстоятельствах были не чем иным, как эффективными инструментами на службе у контрреволюции. Позиция, занятая некоторыми членами НКТ, поддерживавшими каталонских активистов,

выявляла только одно: наличие различных тенденций, всё ещё существующих в НКТ. Такое положение требовало срочного разъяснения исходя из основ фундаментального значения НКТ и той роли, которую она должна была сыграть перед лицом общественных и политических реалий страны, не допуская укрепления позиций контрреволюционного правительства с помощью этой профсоюзной организации. Принимая во внимание именно эти обстоятельства, Дуррути начинает новый — важный и решающий этап своей революционной деятельности. До тех пор и в силу особых причин его действия разворачивались в пределах одной группы, но теперь они будут иметь широкую и более мощную перспективу в рамках процесса революционного обострения борьбы со стороны рабочего класса и крестьянства.

Для поборников анархизма такая возможность была в своём роде исключительной. Республика зарождалась на фундаменте политического и экономического кризиса, тяжёлые и глубинные проблемы которого не могли быть разрешены поверхностно, изменяя только форму и не затронув само содержание. Ошибка пришедших к власти деятелей состояла в их непризнании диалектики исторического процесса и в их уверенности, что посредством ряда демагогических деклараций они смогут взять под контроль колоссальный общественный процесс. Они глубоко и в корне ошибались. Неправильно определив пульс страны, сочли за основу народных настроений всего лишь форму таких волеизъявлений. Эти политики решили для себя следующее: если простой рабочий люд и крестьяне в течение всех предыдущих волнений выказывали грубость и жестокость, и после семи лет диктатуры явили пример «гражданственности и приняли без сопротивления смену правления, то это означает их полнейшее доверие к нам и отказ от прямых методов борьбы. Чтобы найти выход из создавшейся ситуации, необходимо всего лишь навести порядок, применяя жёсткие меры в отношении полудюжины анархистских агитаторов». Для Мигеля Мауры и Нисето Алькалá Саморы такая логика могла быть убедительной, так как в их понимании не существовало ни социальной проблематики, ни аграрной, ни крестьянской. Они не обладали ни социологическими, ни историческими знаниями, а были всего лишь адвокатами; оба считали, что выход — в том, чтобы привести в действие законы и маузеры Гражданской гвардии. Но парадоксальным в этой ситуации было то, что в состав этого правительства входили лидер рабочего движения — социалист, один историк-социалист и один историклиберал. С другой стороны, быть может, Марселино Доминго и располагал базовыми знаниями в области социологии, которые, вкупе с экономическим образованием Николау д'Олвера, могли бы пойти на пользу. Однако, повторяем, парадокс проявился в том, что все эти деятели добровольно признали правоту «логики» де Мауры и Алькалá Саморы.

Дуррути, Аскасо и Гарсия Оливер тотчас же поняли, что Республиканское правительство совершает огромную ошибку, и в силу их принадлежности к самой экстремистской тенденции анархистского движения, на уровне интуиции определили роль воинствующего анархизма: после спада спонтанного народного энтузиазма, отнюдь не поощряемого радикальными мерами правительства, и когда глубинные экономические и социальные проблемы не найдут решения, народ направит свой гнев против демагогов, вставших у власти. Таким образом, роль анархистов состояла в том, чтобы организовать это недовольство, помочь людям осознать бунтарские настроения и представить безнадёжному народу идеал борьбы. В таких условиях революция была возможной...

Эта радикальная позиция анархизма, в частности поддерживаемая «Солидарными», будет оценена левыми, даже марксистами, как революционный инфантилизм; и в рядах самой НКТ последователи такой позиции будут названы анархо-большевиками. Историческая диалектика сформулирует свой приговор.

Для того чтобы лучше понять причины настойчивости «Солидарных» и ФАИ в следовании революционной линии и, с другой стороны, показать сознательные или бессознательные ошибки, совершённые республиканским правительством, в быстром обзоре данных мы разъясним социально-экономическое положение Испании после падения монархии. Согласно статистической информации 1930 года, из 24 млн жителей 26% не могли читать и писать — другими словами, были полностью безграмотными. Женщины являлись наиболее уязвимой частью населения, как показывает цифра 32% безграмотности среди женщин, которые представляли в целом 1 109 800 работниц среди экономически активного населения. Но процент безграмотности среди мужчин также не являлся утешительным — он составлял 19,5%. Тем не менее положение женщин, если принимать во внимание все аспекты, было намного сложнее мужского. Также наибольшая цифра безграмотных наблюдалась в сельских областях, где их число достигало 70% населения — 6 млн сельскохозяйственных рабочих²⁷³.

Рассмотрим теперь характеристики первичного сектора экономики: деятельность, распределение земли и кто владел этой землёй. Но вначале мы должны предупредить, что из-за недостатка конкретных данных приводим средний показатель за период 1930–1935 годов²⁷⁴. Именно этот факт позволит наиболее выделить то небольшое, что удалось сделать Республике для разрешения проблем, унаследованных от монархии. Итак, исходная цифра — 11 млн экономически активного населения на фоне всеобщего населения в 27 млн жителей тех лет. Сектор экономически активного населения в сельском хозяйстве распределяется так: 2 млн 300 тыс. наёмных работников, другими словами — не имеющих ни пяди земли; 2 млн мелких землевладельцев, или испольщиков, и 1 млн зажиточных. Бросается в глаза процентное соотношение крестьянского пролетариата, равное числу рабочих, задействованных в сфере индустрии и горнодобывающей отрасли (2 млн 300 тыс. человек). Вывод первый: Испания всё ещё оставалась, в сущности, аграрной страной. Но этот факт не имел бы должного веса, если бы мы не заострили внимание на факте владения землёй, так как он разъясняет нам подлинное состояние дел в среде мелких собственников, испольщиков и «зажиточных».

«В настоящее время половина страны занята степными почвами с малой долей производительности; 10% этих земель полностью неплодородны. Дожди — редкое явление в 32 из 48 провинций; сухие (иссушенные) земли составляют 17 млн га, и на них едва собирают 9,3 центнера твёрдой пшеницы с 1 гектара; это равняется половине почв с орошаемым земледелием. 7 млн га засеваются нерегулярно, и из-за недостатка скота не происходит обновление обрабатываемой земли. В некоторых областях почва настолько неплодородная, что крестьяне вынуждены доставлять перегной издалека, поближе к реке. По некоторым оценкам, 40% земли не получают должной обработки. Лишь провинции в приграничных зонах с Атлантическим океаном и Португалией обладают достаточными водными ресурсами для скотоводства.

Таким образом, становится ясно, что наиболее остро встаёт вопрос орошения почв. Четыре основные речные системы на территории страны предоставляют достаточное количество водных ресурсов, чтобы оросить 3 или 4 млн га, но не хватает более чем половины сооружений для рационального использования воды. Примо де Ривера, с целью поднять сельское хозяйство и занять безработных и при этом не входя в конфликт с капиталистами, положил начало большому строительству в этой сфере; но распределение водных ресурсов — дело монополистских компаний или самих землевладельцев, которые продают воду крестьянам за недоступные для них цены. Земля остаётся неплодородной и приносит выгоду лишь спекулянтам, которые арендуют участки без права на использование столь ценной влаги. Крестьяне вынуждены приобретать так называемые billetes de agua («квитанции на воду») по ценам, которые им навязывают. Только в Валенсии земледельцам всё ещё удаётся работать в рамках старинных институтов по водоснабжению, и по пятницам Jueces de Agua («Распорядители водой») (из числа самих же крестьян) собираются во внутреннем дворике местных церквей, чтобы распределить воду среди жителей этого региона и выслушать претензии со стороны пользователей»²⁷⁵.

Рабасейр так описывает распределение земли:

«В 1932–1933 годах Институт аграрной реформы провёл исследование в семи провинциях: Бадахос, Кáсерес, Севилья, Сьюдад Реаль, Уэльва, Хаен и Толедо. (Кадис, земля огромных латифундий, не вошла в этот список.) Из 2 434 268 фермерских хозяйств 1 460 160 занимали менее одного гектара; 785 810 поместий размещались на площадях от 1 до 5 га; 98 794 — от 6 до 10 га; и 61 971 — на землях до 50 га. На неорошаемых почвах — 50 га — низкая цифра, тем более если принять во внимание, что из-за отсутствия современных орудий производства необходимо работать в режиме 3-летнего чередования растительных культур (многие крестьяне до сих пор используют римский плуг). Однако если мы возьмёмся за подсчёт хозяйств с площадью менее 50 гектаров, то увидим, что они составляют девять десятых от общего числа усадеб в этих регионах. Только 19 400 сельских владений имеют площадь от 50 до 100 гектаров. Можно считать, что только эта двенадцатая доля сельских участков располагает достаточным количеством земли, чтобы удовлетворить потребности их хозяев. Остальные 7 508 поместий являются огромными латифундиями, среди них 55 занимают по 5 000 гектаров каждое. Площадь земли, занимаемая этими хозяйствами (каждое в отдельности — более чем 250 гектаров), в сумме составляет 6 500 000 гектар; однако общая площадь 2 426 000 угодий по 250 гектаров даже не доходит до 4 256 000 гектаров (...).

На северных территориях — Галиции и Астуриас — преобладают мелкие фермерские хозяйства с площадью менее 1 гектара (...). Значительная часть жителей этих земель вынуждены мигрировать, поскольку на юге достаточно пространства, чтобы принять тысячи и даже сотни тысяч переселенцев..., если на то будет согласие помещиков.

Частная собственность в сельскохозяйственном секторе распределена таким образом: 50 тыс. землевладельцев являются собственниками 50% земли; 700 тыс. зажиточных крестьян владеют 35%; 1 млн средних землевладельцев — хозяева 11%; 1 250 000 мелких крестьян — 2%; а 2 000 000 батраков, то есть 40% сельского населения, не имеют ничего»²⁷⁶.

Как же существовал этот аграрный мир? Мы ответим словами Эдуарда Ауноса, министра правительства диктатора Примо де Риверы: «Пока сельскохозяйственные рабочие живут в нищете, большинство из них не смогут участвовать в политике; такая бедность — основа касикизма»²⁷⁷.

Альтамира, замечательный историк в области испанской экономики, подчёркивает, что на территориях многих небольших долин скудное плодородие почвы вынудило крестьян до сих пор сохранять традиции сельского коммунизма, доказанного на практике и пустившего глубокие корни в народной психологии²⁷⁸. Коста придерживается мнения, что все невзгоды, переживаемые Испанией, зародились в несправедливом распределении богатства, в частности — земли²⁷⁹. Флорес Эстрада — великий экономист и реформатор начала XIX века — пропагандировал идеи о том, что большая часть рода человеческого не имеет возможности трудиться в силу того факта, что ряд индивидов единолично господствуют над землёй. «В провинциях, где имеется служба земельного кадастра, насчитывается 84% мелких производителей, зарабатывающих менее одной песеты в день», — пишет Рабасейр. С другой стороны, Гонсало де Репарас выражает сожаление по поводу нищеты в Андалузии: «От Картахены до Альмерии мы видим одну из самых ужасных трагедий в Европе. Сотни тысяч людей погибают медленной смертью»²⁸⁰.

Другие исследователи приводили факт невозможности строить жилые дома, разве что при повышении заработка; крестьяне живут прямо на полях, а иногда и в маленьких деревнях, находя кров в бараках, пещерах и норах доисторических времён. Другими словами, почти всё сельское население вынуждено жить в условиях, недостойных людей²⁸¹.

Зарождение феодальных структур и их существование в сельскохозяйственной области благодаря монархическому строю находит то же самое выражение в промышленности. Карлос I после подавления роста буржуазии во времена Коммун Кастилии (1522) извлёк для себя урок: для поддержания монархического абсолютизма необходимо любыми средствами остановить развитие и укрепление буржуазии в промышленной и торговой сферах. Именно в ту эпоху зародился альянс между монархией, деревенской и военной олигархией. Как следствие такой политики, налицо — упадок и отсталость Испании. Вместо того чтобы позволить местной буржуазии развиваться и превратиться в сильный, образованный и просвещённый класс, Карлос I предпочитал закупать во Франции, Бельгии и других странах товары, необходимые для удовлетворения нужд заморских колоний и самой Испании. Политика такого направления рано или поздно должна была выразиться в недооценке ремесленного труда и увеличении вкуса к предметам вооружения, образованию в сфере духовных дисциплин и литературы. Научные и прикладные предметы не входили в учебные планы испанских университетов.

Политическая линия, начатая династией Габсбургов, была строго поддержана Бурбонами, за исключением короткого периода правления Карлоса III.

Следуя намеченному с XVI века маршруту, невозможно было прийти к иному результату в экономической и промышленной структуре Испании, кроме всем известного — к неравномерному и скачкообразному развитию промышленности в соответствии с капризами и интересами королей и их фаворитов; причём иностранным капиталам были предоставлены

«эксклюзивные права» в сфере добычи полезных ископаемых, индустрии, производстве электроэнергии, железнодорожного транспорта или телефонной связи.

Предпочтение, отдаваемое иностранному капиталу, шло в ущерб местному; при этом его предпринимательские инициативы были заключены в жёсткий корсет государственной монополии.

Банк Испании организован таким образом, что вся прибыль страны остаётся в карманах лиц, стоящих на центральных постах. Крупные компании, банки, транспорт и промышленность используют государство в качестве инструмента для своих хищений. Государство — это заложник крупных предприятий, а сама нация — заложница государства. Атрофированная экономика и гипертрофированное государство — вот факторы, определяющие положение в стране. Государство поглощает третью часть национального дохода для своего бюджета; а 60% от этой суммы, другими словами — две девятых части всеобщего национального дохода, используется для содержания государственного репрессивного аппарата²⁸².

Средние и малые предприятия находились под гнётом монополий и, кроме того, задыхались от непомерных таможенных налогов и транспортных тарифов (в прямом смысле — барьеров для любого рода развития). На этом фоне испанская экономика не имела возможности улучшить уровень жизни населения, особенно когда более половины его — аграрная отрасль или, другими словами, крестьянство — не входило в цепочку потребителей. Как следствие, «Испания катастрофически отстаёт по отношению к другим странам. Из 4 тыс. шахт по добыче свинца в эксплуатации находятся всего лишь 300, и используется только одна четвёртая часть потенциального водного ресурса. В Испании 5 000 или 6 000 млн тонн угля залегают под тонким слоем песка, однако в год добывается всего лишь от 6 до 9 млн. Но минеральные сокровища не остаются в стране. Из 2 млн 700 тыс. тонн добытой железной руды Англия закупает 1 млн, а другие страны — такое же количество тонн.

В общем, прибыль от добычи сырья достигает приблизительно 1 млрд в золотых песетах; промышленное производство — около 7 млрд, из которых 2 млрд приходятся на текстильную промышленность, между тем как производство в сельском хозяйстве составляет 9 млрд. Это означает, что половина национального производства лежит в аграрной сфере. Такая же пропорция наблюдается в области занятости: от 4 до 5 млн человек работают в промышленности и шахтах; а от 5 до 6 млн (3 млн — крестьяне собственники, и 2 млн — наёмные работники) в сельском хозяйстве»²⁸³.

Теперь встаёт логичный вопрос: какому сегменту населения противопоставлялись эти 11 млн рабочего люда (период 1931–1936 годов), потребляющих очень мало и живущих в бедности, как на селе, так и в городе? 10 000 землевладельцев — собственникам на селе; политической и финансовой олигархии; спекулянтам (торговым посредникам); крупным промышленникам, со своей свитой касиков; касте военных и духовенству; и другим паразитам, проводящим время в безделии, за счёт рент и монопольных прав.

Эти классы (надо заметить, весьма малочисленные) и простой народ разделяла огромная пропасть. Их не объединяла общая цель. Не существовало (несмотря на утверждение Алькалá Саморы) подлинного среднего класса, который мог бы смягчить контраст между

меньшинством, заставляющим других голодать, и голодающим большинством. «Нечто среднее, — восклицал Мигель де Унамуну, — между кем? Испания никогда не знала, что такое буржуазия»²⁸⁴.

Внутри такой мозаики, претендующей на определение «социальные классы», находилась интеллигенция. Во главе шло духовенство, насчитывая приблизительно 100 тыс. человек, которые жили за свой счёт и составляли наиболее реакционный сегмент общества. На фоне этой клерикальной интеллигенции, вместе со своими начальниками и подчинёнными, выделялся преподавательский корпус. Начальники (мандаринат) были католиками до мозга костей, как их охарактеризовал Менендес Пелайо. «Подчинённые» являлись выходцами из числа мелкой буржуазии в лице торговцев, фармацевтов и мелких производителей, которые, каким-то образом обладая «либеральными профессиями», входили в ряды левых сторонников *Esquerra Catalana* («Левых каталонцев») или левых республиканцев под началом Мануэля Асаньи. И, наконец, нужно добавить к этому списку студентов, надежду на будущее, но без ближайших точных целей; они могли в равной мере встать на сторону как социализма, так и фашизма, который уже проникал в страну с помощью своих первых теоретиков — Рамиро Ледесмы Рамоса, Эрнесто Хименеса Кабальеро и Онесимо Редондо, которые уже в феврале 1931 года публично высказали свою позицию в еженедельнике *La Conquista del Estado* («Завоевание государства»)²⁸⁵.

Таким образом, подводя итог нашему объёмному обзору, единственной группой населения, которая истинно наслаждалась жизнью, был 1 млн жителей страны: чиновники, священники, военные, интеллектуалы, крупные буржуа и землевладельцы. Остальные принадлежали к так называемой черни.

Когда Мигель Маура ведёт речь о защите «законных консервативных принципов», он имеет в виду поддержание описанной ситуации, этих феодальных структур, которые тормозили экономическое развитие страны. Поддерживать и защищать эту систему, как мы после увидим, при помощи маузеров Гражданской гвардии означало гарантию медленного угасания крестьянского люда, получавшего заработок (и только во время одной четвёртой части года) в размере от 1,50 до 3 песет за рабочий день «от заката до рассвета», то есть от 12 до 14 часов ежедневного труда.

Анархисты, с точки зрения революции, были готовы извлечь всю возможную пользу из этих противоречий капиталистического строя. Они не были мечтателями — напротив, обладали реальным видением положения, в котором находили достаточно аргументов для начала революции и направления её через либертарную коммунистическую программу, которая прекрасно вписывалась в главенствующие идеи рабочего и крестьянского класса.

Конечно, революция не могла совершиться в один миг. Необходимо было организовать процесс и подготовить сознание масс рабочих и крестьян относительно её необходимости. В подготовку революции, которая зарождалась естественным путём, входили такие факторы, как письменная пропаганда и чёткая картина будущего общества на основе либертарных коммунистических принципов. Надо было дать рабочим и крестьянам элементарные понятия экономического функционирования (хотя экономика исходила бы из других принципов и имела бы другие основополагающие элементы), трудовых коммун и всеобщую идею этого

сообщества среди соседей, которое, хотя и автономное в своей внутренней работе, должно было поддерживать тесную связь с остальными сообществами в рамках активного федерализма или солидарного пакта. Но успешному распространению такого типа пропаганды мешала безграмотность. Поэтому в первую очередь необходимо было покончить с этой язвой общества. Дневные школы «рационалистской» ориентации для детей — то, что сегодня называется «антиавторитарной педагогикой», — и вечерние для взрослых, которые существовали в профсоюзах и либертарных атенеях (Ateneos Libertarios (клубах)), при максимальной поддержке были призваны выполнить эту задачу. Таким образом, профсоюзы НКТ и Либертарные атенеи, кроме того, что они играли роль организаций для осуществления борьбы, превратились бы в образовательные общественные центры для рабочих.

Анархисты — члены ФАИ, определив род своей революционной деятельности, сразу же столкнулись (как внутри НКТ так и вне её) с оппозиционерами, подвергавшими критике их намерения; одни называли анархистов «нетерпеливыми революционерами», а другие — марксисты или псевдомарксисты — обвиняли в «незнании исторических процессов», напоминая о невозможности перепрыгивать последовательные фазы и утверждая, «что революция в Испании должна носить политический, а не общественный характер, другими словами — быть буржуазно-демократической». К этому странному аргументу, приводимому марксистами, добавлялась единственная практическая ссылка — русская революция (что являлось опровержением самой идеи).

На это анархисты отвечали, что для осуществления политической, буржуазно-демократической революции буржуазия имела шансы на протяжении всей истории Испании; но, так как она не воспользовалась этими возможностями, сейчас наступала очередь пролетариата. Когда в какой-либо стране буржуазия не смогла прийти к власти политическим путём, вооружённый пролетариат не может, с исторической точки зрения, осуществить буржуазную демократическую революцию, а только социалистическую, более эффективную и глубокую по мере того, насколько сам пролетариат будет подготовлен к революционным действиям»²⁸⁶.

Версия #4

Зверобой создал 13 июля 2025 22:43:20

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:40:36